

УДК 81

*А. В. Сасновская***КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ:
ПАРАМЕТРЫ ИХ ВЫДЕЛЕНИЯ И ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА**

В статье исследуется роль ключевых слов в структуре поэтического текста. Обосновывается актуальность исследования ключевых слов как для понимания собственно текста, так и для адекватного перевода поэзии. Разрабатываются параметры выделения ключевых слов в поэтическом тексте.

Введение

Среди многих аспектов филологического анализа текста одним из малоразработанных, на наш взгляд, и вместе с тем одним из весьма значимых является вопрос о ключевых словах в структуре текста. Во-первых, данная проблематика имеет практическое значение, т. е. она связана с разработкой таких новых направлений, как компьютерная лингвистика, медиалингвистика, инженерная лингвистика. Во-вторых, проблема ключевых слов является актуальной для психолингвистики и библиопсихологии (Т. М. Дридзе [1], Л. В. Сахарный [2], А. С. Штерн [3] и др.). Например, А. И. Новиков определяет ключевые слова как «слова, на основе которых происходит актуализация того фрагмента знания, который необходим для осмысления последовательности слов, в контексте которых они находятся» [4, 44]. Ключевые слова представляют интерес и для таких областей лингвистики, как коммуникативная стилистика (И. В. Арнольд [5], Н. С. Болотнова [6] и др.) и филологический анализ текста (Л. Г. Бабенко [7], Ю. В. Казарин [8] и др.), в которых они являются инструментом понимания авторского мировосприятия, авторских интенций. Проблематика филологического анализа текста разрабатывается также И. П. Кудреватых [9], В. А. Масловой [10], О. И. Ревуцким [11] и др.

Проблемное поле ключевых слов разрабатывается и в лингвокультурологии (А. Вежбицкая [12], Ю. С. Степанов [13] и др.). Согласно этому подходу, слово является частью культуры, фиксирует отражение реального мира и несет в себе определенный культурный код. Для обозначения слов, являющихся своего рода «культурным фокусом», в современных исследованиях было выработано понятие «ключевых слов культуры». Ю. Н. Караулов считает, что ключевыми словами, «на которые опирается рефлексия читателя, служат такие множества слов, которые обладают свойством образовывать смысловое сгущение, своеобразное семантико-тематическое поле, но поле, релевантное только в данном тексте, объединенном темой и основной идеей произведения» [14, 158]. Множественность интерпретаций феномена «ключевое слово» порождает задачу создания интегральной модели его понимания.

Цель нашей работы – выработать параметры выделения ключевых слов в поэтическом тексте.

Материал и методы. Материалом исследования послужила поэзия М. И. Цветаевой и ее переводы на белорусский и английский языки, поэтические тексты К. Крапивы и их переводы на русский и английский языки, а также поэзия У. Б. Йейтса с переводами на русский и белорусский языки. Основными методами представленной работы являются сравнительно-сопоставительный и дескриптивный.

Результаты исследования и их обсуждение

Ключевые слова, усиленные рифмой, благодаря своеобразному звуковому рефрену образуют семантический стержень произведения, выступают в качестве своеобразных скреп, придающих тексту связность, целостность и единство.

Какие же слова могут стать ключевыми в художественном тексте? Частотные слова, как правило, оказываются наиболее важными для понимания авторской идеи, и потому они, прежде всего, претендуют на роль ключевых слов. Однако частотность – признак количественный и говорит лишь о том, что данное слово повторяется чаще других. Это необходимое, но недостаточное условие, чтобы назвать слово ключевым. Для этого слово должно обладать еще и определенными качественными характеристиками – быть носителем целого пучка значений, которые автор варьирует из строфы в строфу, из текста в текст. Так, из нескольких тысяч слов, составляющих поэзию М. И. Цветаевой, ключевыми будут лишь 10–15: *любовь, огонь, поэт, стихи* и т. п.

Поскольку текст, по которому создается частотный словарь, завершен и самодостаточен, то самодостаточна и система слов, выделенных из данного текста, ибо именно в данных словах материализована авторская концепция бытия, мировидения. Существительные свидетельствуют о том, из каких предметов и явлений складывается авторский мир, прилагательные фиксируют качества и признаки, глаголы – действия и состояния и т. д. В качестве примера рассмотрим стихотворение М. И. Цветаевой «Откуда такая нежность?» и его переводы на белорусский и английский языки: / *Откуда такая нежность? / Не первые – эти кудри / Разглаживаю, и губы / Знала темней твоих. / Входили и гасли звезды, / Откуда такая нежность? — / Входили и гасли очи / У самых моих очей. / Еще не такие гимны / Я слушала ночью темной, / Венчаемая – о нежность! – / На самой груди певца. / Откуда такая нежность, / И что с нею делать, отрок / Лукавый, певец захожий, / С ресницами – нет длинней?*

В данном стихотворении ключевыми словами являются *нежность, ночь, очи, певец*. Все эти существительные раскрывают авторский мир, указывая на то, что автор испытывает сильное чувство влюбленности. Стихотворение написано в 1916 году и посвящено О. Э. Мандельштаму. В ту пору в их отношениях присутствовало волнение, влюбленность, взаимное восхищение. Но строка «*Лукавый, певец захожий*» говорит также и о непростоте отношений лирической героини и ее возлюбленного. Словарное значение ключевых слов «лукавый» – «1. Коварный, хитрый. 2. Игривый, исполненный добродушно-невинной хитрости» [15, 268] и «захожий» – «Пришлый, зашедший откуда-н.» [15, 184]. Прилагательное *лукавый*, являясь одним из ключевых слов, указывает на такие качества любимого человека, как хитрость и лукавство. Но «лукавство» также означает «веселый задор, игривость», и, возможно, именно эти качества привлекают лирическую героиню в своём избраннике. Прилагательное *захожий* предвосхищает недолговечность их отношений. Лирическая героиня всё видит и понимает (лукавство, игру героя, временность их отношений) и, тем не менее, принимает его таким, каков он есть, потому что он «певец». То есть в данной строке «*Лукавый, певец захожий*» все три лексемы являются ключевыми.

Теперь рассмотрим перевод стихотворения М. И. Цветаевой «Откуда такая нежность?» на белорусский язык: / *Любасць адкуль жа такая? / Не першы раз лашчу скроні, / Вуснамі вусны чакаю, / І ад вясны ў палоне. / Святлелі і гаслі ночы. / (Любасць адкуль жа такая?), / Святлелі і гаслі вочы: / З імі сустрэч шукаю. / Песня слязу выракала. / Ноч на вуголі хадзіла. / (Любасць адкуль жа такая? –) / Голас твой разбудзіла. / Любасць адкуль жа такая? / І што з ёй рабіць, спявача, / Каб яна век не змаўкала – / З вейкамі твайго плачу?! (Валянціна Аколава)*

Рассмотрев перевод данного стихотворения на белорусский язык, мы видим, что переводчик внес некоторые изменения в оригинал стихотворения. Строка «*Лукавый, певец захожий*» заменена «*Каб яна век не змаўкала*». Данная замена фактически устранила самый, может быть, важный смысл стихотворения. Лирическая героиня влюблена, но она и очень мудра. Она понимает недолговечность их отношений («захожий»), некоторую игривость и лукавство со стороны любимого («лукавый»), при этом чувствует его возвышенную душу («певец»). И эта женская мудрость, готовность к завтрашнему расставанию и боли ради сегодняшней минуты счастья при переводе на белорусский язык исчезла. Отсутствие ключевого слова *лукавый* искажает смысл стихотворения и оставляет надежду на продолжение нежных отношений. Всё это доказывает, что на ключевые слова переводчику следует обращать внимание в первую очередь, поскольку именно они выражают ключевые смыслы любого стихотворения. Перевод призван выполнять свою важнейшую функцию – трансляцию текста в инокультуру. Однако часто он начинает жить самостоятельной, независимой от оригинала жизнью, становясь самоценным фактом культуры.

Обратимся к переводу данного стихотворения на английский язык: / *Where does such tenderness come from? / These curls that I stroke with my hand / Aren't the first that I've stroked, and I / Knew lips that were darker than yours. / Stars rose in the sky and faded, / Where does such tenderness come from? – / And glowing eyes also rose and faded / Right next to my own two eyes. / And I used to listen to greater hymns / In complete darkness, at night, / Betrothed – Oh, tenderness! – / On the chest of the singer himself. / Where does such tenderness come from, / And what do I do with it, you, sly, / Adolescent, vagabond singer, / Whose eyelashes couldn't be longer? (Andrey Kneller)*

Перевод данного стихотворения на английский язык более близок к оригиналу, чем белорусский вариант. Переводчик все ключевые лексемы: *tenderness, night, eyes, singer*. Переводчику хорошо удалось передать живость, способность увлекать и увлекаться, горячее сердце, жгучий темперамент – характерные черты лирической героини и самого автора.

Прилагательное *sly*, употребленное рядом с прилагательным *adolescent*, указывает на юношескую пылкость героя и вместе с тем его непостоянство. И действительно, О. Э. Мандельштаму было тогда 25 лет.

Необходимо учитывать и тот факт, что низкочастотные слова, по сравнению с высокочастотными, не всегда малозначимы. Так, М. И. Цветаева считается безглагольным автором, поэтому даже один глагол на две-три строфы у нее может стать ключевым словом и нести огромную смысловую и эмоциональную нагрузку. Например, в стихотворении «Моим стихам, написанным так рано...» ключевыми являются слова *мои стихи* и *настанет черед*. Словосочетание *мои стихи* встречается трижды. Позиция и повтор делают местоимение *мои* исключительно важным для смысла всего стихотворения. Отсюда делаем вывод, что речь идет не вообще о поэзии, а именно о судьбе её поэзии. Фразовый глагол *настанет черед* несет в стихотворении основную смысловую нагрузку, выражая мысль автора о том, что наступит время, когда ее стихи станут востребованы и будут пользоваться популярностью. И это будет закономерным признанием и оценкой ее творчества. В данном стихотворении оба ключевых словосочетания занимают сильную позицию: первое словосочетание *моим стихам* – в начале стихотворения и второе *настанет черед* – в конце стихотворения: / *Моим стихам, написанным так рано, / Что и не знала я, что я – поэт, / Сорвавшись, как брызги из фонтана, / Как искры из ракет, / Ворвавшись, как маленькие черти, / В святилище, где сон и филлиам, / Моим стихам о юности и смерти, / – Нечитанным стихам! – / Разбросанным в пыли по магазинам, / (Где их никто не брал и не берет!), / Моим стихам, как драгоценным винам, / Настанет свой черед.*

Одним из параметров выделения ключевых слов является их отнесенность к историческим событиям и культурным феноменам. В своих поэтических произведениях У. Б. Йейтс часто обращается к культурным образам ирландского фольклора (Фергус, Дану, друид и др.) и важным событиям в истории Ирландии и других стран. Одно из самых знаменитых стихотворений У. Б. Йейтса «Пасха 1916 года» посвящено Пасхальному восстанию. Остановимся на стихотворении У. Б. Йейтса «No Second Troy», где ключевым является слово *Troy*, которое относит нас к историческому событию, когда город Троя был захвачен и сожжен греками в результате Троянской войны. Причиной войны стало похищение спартанской царицы Елены Прекрасной троянским царевичем Парисом. В стихотворении У. Б. Йейтса «No Second Troy» знание о данном историческом событии и его причине помогает переводчику осуществить адекватный перевод: / *Why should I blame her that she filled my days / With misery, or that she would of late / Have taught to ignorant men most violent ways, / Or hurled the little streets upon the great. / Had they but courage equal to desire? / What could have made her peaceful with a mind / That nobleness made simple as a fire, / With beauty like a tightened bow, a kind / That is not natural in an age like this, / Being high and solitary and most stern? / Why, what could she have done, being what she is? / Was there another Troy for her to burn?* В данном стихотворении У. Б. Йейтс сравнивает Мод Гонн, которую он безответно любил, с Еленой Прекрасной. Мод Гонн была не только красавицей, но и горячей патриоткой, сжигаемой жаждой борьбы за освобождение Ирландии. Если противоположности притягиваются, то понятно, почему поэт – мечтатель и визионер – влюбился в эту неутомимую деятельницу, претендовавшую на роль ирландской Жанны д'Арк. В ней была неистощимая жажда жизни и какая-то роковая тайна, эффектно контрастирующая с ее юным обликом и светскими манерами. Автор пытается смириться с мыслью о том, что она относится к нему скорее как к другу, нежели к возлюбленному. У. Б. Йейтс описывает Мод Гонн как лидера революционного движения, способного возглавить ирландскую революцию, однако считает, что её соратники не обладают достаточной храбростью и могут не оправдать её надежд.

Рассмотрим перевод данного стихотворения на русский язык: / *Я не кляню ее, хотя она / Наполнила страданьем дни мои. / Да не она ль в незрелые умы / Бросала ненависти семена / И пригород толкала на погром? / Как умиротворить таких подруг – / С неукротимым, как пожар, умом / И с красотой, как напряженный лук, / Как дерзкая певучая стрела! / Чтоб ей, такой, быть счастливой вполне, / Какой она бы жребий предпочла? / Вторую Трою увидеть в огне?* (Борис Ривкин). В первых строчках перевода стихотворения показано, что автор прощает Мод Гонн, так как её поступки обусловлены её характером, и поэтому ему не за что её винить. Переводчику удалось точно передать революционный дух Мод Гонн и веру У. Б. Йейтса в то, что она может возглавить революционное освободительное движение Ирландии («пригород») против великой страны Великобритании. В переводе сохранены ключевые слова *пожар, красота*, которые указывают на сходство Мод Гонн с героиней исторических событий в Трое.

Важным параметром выделения ключевых слов является вынесенность их в название. Так, например, в поэтических текстах К. Крапивы «Сава, асёл ды сонца», «Дзед і баба», «Крапіва», «Дыпламаваны баран», «Дзіця, вожык і змяя», проанализированных нами, все вынесенные в названия слова являются ключевыми. Далее приведем пример из поэзии У. Б. Йейтса, где название стихотворения «*The Unappeasable host*» является ключевым словосочетанием, о чем свидетельствует употребление этого словосочетания в предпоследней строчке стихотворения: / *The Danaan children laugh, in cradles of wrought gold, / And clap their hands together, and half close their eyes, / For they will ride the North when the ger-eagle flies, / With heavy whitening wings, and a heart fallen cold: / I kiss my wailing child and press it to my breast, / And hear the narrow graves calling my child and me. / Desolate winds that cry over the wandering sea; / Desolate winds that hover in the flaming West; / Desolate winds that beat the doors of Heaven, and beat / The doors of Hell and blow there many a whimpering ghost; / O heart the winds have shaken, the unappeasable host / Is comelier than candles at Mother Mary's feet.*

В переводах данного стихотворения на русский и белорусский языки переводчики сохраняют эту тенденцию – повтор вынесенного в название ключевого словосочетания в конце стихотворения: / *Дети Дану смеются в резных золотых колыбелях / И, полуприкрыв ресницы, в ладони весело плещут. / Покачут они на север, когда позовет их кричат / На белых тяжелых крыльях, с душою оледенелой. / Дитя мое горько плачет, и я его обнимаю, / Целую и слышу голос подземный узкой могилы. / Пустынные ветры стонут над северным морем стылым, / Пустынные ветры бродят над западным алым краем, / Пустынные ветры свищут в воротах Небес, и свищут / В воротах Ада, и гонят души, как клочья дыма; / О сердце, сраженное ветром – ордою неукротимой, / Что слаще сиянья свечей в изножии Девы Пречистой!* (Анна Блейз).

На наш взгляд, мы выясним также, что для выделения ключевых слов важным является их функционирование в составе парадигматической группы (лексическая парадигма – это объединение грамматически однородных слов, имеющих семантическую общность). В значениях слов одной лексической парадигмы обнаруживаются не только общие семантические черты, но и дифференцирующие признаки. В парадигматике учитываются парадигматические отношения лексем с другими лексемами языка, а также рассматриваются свойства их противопоставленности друг другу (антонимия) или, напротив, их взаимосвязанности (синонимия и т. п.).

Например, в стихотворении М. И. Цветаевой «Писала я на аспидной доске...» ключевое слово *писать* повторяется в контекстуальном синонимичном варианте *расписываться*, что говорит о его функционировании в составе парадигматической группы и подтверждает тот факт, что слово *писать* является ключевым: / *Писала я на аспидной доске, / И на листочках вееров поблеклых, / И на речном, и на морском песке, / Коньками по льду, и кольцом на стеклах, – / И на стволах, которым сотни зим, / И, наконец, – чтоб всем было известно! – / Что ты любим! любим! любим! – / Расписывалась – радугой небесной. / Как я хотела, чтобы каждый цвёл / В веках со мной! под пальцами моими! / И как потом, склонивши лоб на стол, / Крест-накрест перечеркивала – имя... / Но ты, в руке продажного писца / Зажатое! ты, что мне сердце жалишь! / Непроданное мной! внутри кольца! / Ты – уцелеешь на скрижалях.*

В переводе данного стихотворения на английский язык переводчик выделяет ключевое слово *write*, используя метод повтора (ключевое слово употреблено 4 раза) и заменяет глагол *write* глаголом *sign*, который является синонимичным и, соответственно, также входит в парадигматическую группу, хотя, в отличие от оригинального варианта, не является однокоренным: / *I wrote it on a blackboard, / On faded pages of old paper fans, / On window glasses I wrote it by my ring, / On sand shores of the sea I wrote, / On the ice of river I wrote wearing skates, / That you've been loved, loved, loved! / I've signed by rainbow in the sky. / How I wanted that one has flourished through centuries, / With me! You, who tear my heart! / Who wasn't sold! Inside the ring! / You'll survive on the wheels of history!* (Andrey Kneller).

В некоторых стихотворениях легче выделить ключевые слова, чем в других, так как они соответствуют сразу нескольким параметрам. Так, например, в стихотворении К. Крапивы «Крапіва» ключевое слово *крапіва* вынесено в название, употреблено в тексте 2 раза и занимает сильную позицию в конце стихотворения: / *Я ў мастацкім агародзе / Толькі марная трава. / А якая? Смех, дый годзе: / Я – някучка-крапіва. / Я расту вось тут пад плотам / І не так даўно ўзышла, / А ўжо многім абармотам / Рукі-ногі папякла. / Хто палез за агуркамі, / Хай той носіць пухіры – / Мяне голымі рукамі / Асяррожна, брат, бяры. / Хто сустрэўся быў са мною, / Дакрануўся раз ці два, / Дык той ведае ўжо, хто я: / Я – някучка-крапіва.*

В переводах на русский и английский языки ключевое слово также вынесено в название, занимает сильную позицию и 2 раза повторено в стихотворении. Таким образом, чем большему количеству параметров соответствует ключевое слово, тем легче переводчику его опознать и осуществить правильный перевод. Наши наблюдения показали, что ключевые слова формируют содержание текста, следовательно, их следует трактовать как важные слова какого-то законченного сообщения, текста, а не культуры, хотя сами по себе они несут культурный компонент.

Выводы

Выделение ключевых слов в поэтическом тексте определяется их функциями в тексте. Основными параметрами для их выделения являются повторяемость, частота употребления; вынесенность в название, нахождение в сильной позиции; символичность, идейно-эстетическая и композиционная нагрузка; отнесенность к историческим событиям и культурным феноменам; функционирование в составе парадигматической группы.

Каждый отдельный автор и каждое отдельное произведение репрезентируют собственную картину мира, которая строится на определённых ключевых словах. Игнорирование этого уровня смысла ведет к разрушению единства поэтического мира автора и искажает его восприятие иностранным читателем. Задача переводчика, таким образом, состоит в том, чтобы правильно выделить ключевые слова в оригинале и суметь донести их смысл до читателей в переводе, сохранив, с одной стороны, национальный колорит оригинала, а с другой, сделав восприятие перевода доступным для носителей совершенно иной национальной культуры.

Литература

1. Дридзе, Т. М. Язык и социальная психология : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по спец. «Журналистика» / Т. М. Дридзе ; под ред. и с предисл. А. А. Леонтьева ; вступ. ст. Е. М. Акимкина. – Изд. 2-е, доп. – М. : ЛИБРОКОМ, 2009. – 224 с.
2. Сахарный, Л. В. Введение в психолингвистику : курс лекций / Л. В. Сахарный. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1989. – 180 с.
3. Штерн, А. С. Введение в психологию : учеб.-метод. пособие / А. С. Штерн. – 2-е изд., испр. – М. : Флинта : Моск. психол.-соц. ин-т, 2006 (Великие Луки: Великолукская городская тип.). – 309 с.
4. Новиков, А. И. Семантика текста и ее формализация / А. И. Новиков. – М. : Наука, 1983. – 215 с.
5. Арнольд, И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность / И. В. Арнольд ; науч. ред. П. Е. Бухаркин. – Изд. 2-е. – М. : URSS : ЛИБРОКОМ, 2010 – 443 с.
6. Болотнова, Н. С. Коммуникативная стилистика текста : учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений, обучающихся по направлению 050300 Филол. образование / Н. С. Болотнова. – М. : Флинта : Наука, 2009. – 381 с.
7. Бабенко, Л. Г. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика : практикум / Л. Г. Бабенко, Ю. В. Казарин. – 6-е изд. – М. : Флинта, 2009. – 495 с.
8. Казарин, Ю. В. Филологический анализ поэтического текста : учеб. для вузов / Ю. В. Казарин. – М. : Академ. Проект ; Екатеринбург : Деловая кн., 2004 (Екатеринбург : ГИПП Урал. Рабочий). – 429 с.
9. Кудреватых, И. П. Синтаксические способы выражения дистантности блоков информации в русском художественном тексте : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / И. П. Кудреватых ; Мин. гос. пед. ин-т им. А. М. Горького. – Минск, 1989. – 18 с.
10. Маслова, В. А. Филологический анализ поэтического текста / В. А. Маслова. – Минск : Белорус. респ. фонд фундам. исслед., 1999. – 206 с.
11. Ревуцкий, О. И. Филологический анализ художественного текста : учеб. пособие / О. И. Ревуцкий. – Минск : РИВШ, 2006. – 320 с.
12. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание : [пер. с англ.] / Анна Вежбицкая ; отв. ред. и сост. М. А. Кронгауз ; вступ. ст. Е. В. Падучевой. – М. : Рус. слов., 1996. – 411 с.
13. Степанов, Ю. С. Основы общего языкознания : учеб. пособие для студентов филол. спец. пед. ин-тов / Ю. С. Степанов. – Изд. 3-е. – М. : URSS, 2010. – 270 с.
14. Караулов, Ю. Н. Словарь Пушкина и эволюция русской языковой способности / Ю. Н. Караулов ; Рос. АН, Ин-т рус. яз. – М. : Наука, 1992. – 167 с.
15. Ожегов, С. И. Словарь русского языка : ок. 57 000 слов / С. И. Ожегов ; под. ред. чл.-кор. АН СССР Н. Ю. Шведовой. – 19-е изд., испр. – М. : Рус. яз., 1987. – 750 с.

Summary

The article is devoted to the problem of the role of key words in the structure of a poetic text. It is stated that the research of key words is important for the understanding of a text as well as for the adequate translation of poetry. The parameters of choosing key words in a poetic text are redefined.

Поступила в редакцию 28.09.11.